

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Бавула Ю.И. Модальная специфика глаголов мышления думать, мыслить с префиксом у- // Филология: научные исследования. 2024. № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.4.70236 EDN: QMEFCH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70236

Модальная специфика глаголов мышления думать, мыслить с префиксом у-

Бавула Юлия Ивановна

преподаватель, кафедра русского языка, Балтийское высшее военно-морское училище имени адмирала Ф. Ф. Ушакова

236022, Россия, Калининградская область, г. Калининград, ул. Советский Проспект, 82

✉ bavula07@mail.ru

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.4.70236

EDN:

QMEFCH

Дата направления статьи в редакцию:

25-03-2024

Аннотация: В статье на материале текстов разной жанровой принадлежности рассматриваются глаголы, входящие в структуру семантического поля мышления, а именно базовые глаголы думать, мыслить, усложнённые префиксом у-. Предметом исследования выступают следующие значения ситуативной модальности (так называемый семантический X) – инвариантное значение желательности, а также значение возможности, реализуемые дериватами умыслить, удумать в процессе коммуникации. Целью работы является раскрытие специфики и условий модального функционирования указанных глаголов. Достижению поставленной цели способствует решение следующих задач: 1) выявить модальные значения, реализуемые рассматриваемыми дериватами; 2) определить условия их модального функционирования в рамках высказывания; 3) выявить роль номинативно несамостоятельного словообразовательного форманта у- в процессе формирования модального, модально-оценочного значений соответствующих производных. Цели и задачи настоящей работы обусловили выбор комплексной методики исследования, включающей следующие методы: функционально-семантический, описательный,

контекстуальный. Научная новизна статьи определяется предметом исследования. В результате проведенного исследования делается вывод о том, что глаголы мышления думать, мыслить с формантом у- способны реализовывать модальные значения возможности, желательности (являющейся условием реализации возможности), связанные преимущественно с интенциями, противоречащими морально-этическим, социальным нормам общества. Анализ текстов позволил определить лексико-грамматическую основу модального функционирования глаголов мышления, усложнённых префиксом у-, в семантике которых имплицитно содержится модальный компонент, установить синтаксические условия реализации значений ситуативной модальности, т. е. наличие при глаголе зависимого субъектного семантически неограниченного инфинитива. Определена усиливающая роль служебного форманта у- на формирование модального значения дериватов удумать, умыслить как самостоятельной (автономной) значимой единицы, в значении которой эксплицитно выражена сема «доведение до нежелательного состояния», а также содержится пейоративная сема «совершить что-либо дурное, преступное, предосудительное (во вред кому-то)». Материалы статьи могут быть использованы на семинарах и практических занятиях вуза по актуальным вопросам категории языковой модальности.

Ключевые слова:

глаголы мышления, префикс у-, ситуативная модальность, модальное значение, значение желательности, значение возможности, сема нежелательности, пейоративная сема, модально-оценочное значение, негативизация

Универсальная категория модальности «как одна из ключевых семантических (понятийных) категорий, обеспечивающих живую связь высказывания с внеязыковой действительностью и устанавливающих его коммуникативный потенциал» [7, с. 4], осмысливается современными лингвистами как «уникальная ментальная», «глобальная научная» [26, с. 46], «познавательная» категория, рассматриваемая в контексте «неразрывной связи языка и мышления» [13, с. 4] как «особой ступени в процессе отражения сознанием объективной действительности» [31, с. 318]. Феномен языковой модальности находится в центре междисциплинарной научной мысли более семидесяти лет. Учёными достаточно полно установлен план её содержания и выражения в динамике (В. В. Виноградов, Ш. Балли, Г. А. Золотова, А. В. Бондарко, С. С. Ваулина, Г. П. Немец, Л. П. Дронова, И. Р. Гальперин, Г. Я. Солганик, Т. В. Романова, З. Я. Тураева М. В. Ляпон, Б. В. Хрычиков, О. Н. Соловьёва, И. Ю. Кукса, Н. Brinkmann, J. Buscha, G. Diewald, J. Erben, T. Fritz, M. Hanowell, G. Helbig, M. Krifka, G. Ohlschlager, F. Palmer, K. Sommerfeldt) и др.). Однако С. С. Ваулина отмечает «своеобразный парадокс», который состоит «в не ослабевающем, а, скорее, усиливающемся интересе к данной категории» [6, с. 3-4]. Объяснение тому – появление и нерешённость ряда вопросов. Например, определение специфики когнитивной проекции модальных значений, языковых форм их выражения, исследование модальной специфики глаголов, входящих в структуру поля мышления, реализация модального значения словообразовательными формантами, а также дискуссионность некоторых аспектов функционирования категории модальности. Лингвисты полемируют о корректности использования термина «словообразовательная категория модальности» (Ваулина 2021; Шаповаленко 2021), введённого И. Г. Кудрявцевой (Кудрявцева 2008). Появление термина, вероятно, обусловлено тенденцией современного языкознания собственно новейшего периода к экстраполированию

модальных значений на словообразовательную единицу (дериватор), в том числе на глагольный префикс.

Филологи обратили внимание на весьма значимую роль приставки в процессе формирования «модальной семантики в словах (в том числе глаголах мышления), прямо или косвенно выражающих некоторые типы модальных значений» [35]. Вышесказанным определяется актуальность настоящей работы, объектом изучения которой стали глаголы поля мышления думать, мыслить и их дериваты с префиксом у-. Предметом исследования, определяющим новизну работы, является модальная специфика глаголов мышления с формантом у-. Обоснованность изучения «фундаментальных лексических единиц русского языка (в том числе их производных), охватывающих широкий круг обозначений различного рода ментальных действий и состояний» [10, с. 471], относящихся к семантическому полю мышления, не вызывает сомнения.

Первые научные исследования, направленные на изучение глаголов мышления, их префиксальных дериватов в терминах модальности принадлежат С. С. Ваулиной (Ваулина 1988, 2008), а также С. В. Черновой (1996, 2008), Л. М. Васильеву (2006), частично Л. П. Дроновой (Дронова 2006), А. П. Морослину (Морослин 2001), Ю. И. Бавуле (Бавула 2022, 2023) и др. В результате анализа эволюции средств выражения категории модальности XI – XVII вв. С. С. Ваулина пришла к выводу о том, что глаголы, образующие семантическое поле мышления, входят в состав лексических средств выражения значений ситуативной модальности – одного из двух пластов пропозициональной модальности, выражающей отношения между субъектом действия (носителем признака) и предпосылками действия (предикативным признаком). В основе таких отношений лежат причины внутреннего (субъективного) характера. Глаголы мышления в сочетании с зависимым инфинитивом, отмечает С. С. Ваулина, «способны выступать в модальной функции» [5, с. 76], т. е. реализовывать в соответствии со спецификой своей семантики инвариантное значение желательности (вариантное – намерение, попытка, стремление) (Ваулина 1988, 1993, 2008).

Точке зрения учёного не противоречит теория Л. М. Васильева, согласно которой глаголы мышления (*оценочные, побудительные, интенциональные*) «могут быть квалифицированы как модальные» [4, с. 394]. Интересно отметить, что истоком модального функционирования рассматриваемых в статье глаголов является история их происхождения. По данным этимологических словарей глагол мыслить «образован от прасл. *myslъ, восходящего к и.-е. корню *men-, родственного литовскому maudziū, «тосковать, страстно желать» [37]. Также в словарях зафиксировано общеславянское происхождение древнерусского глагола думати, отмечена вероятность его образования от общеслав. сущ. *duma «мысль, раздумье, размышление» [40], одним из значений которого указывается значение «намерение» [38]. Данные историко-этимологических словарей убеждают в том, что в семантическом значении древнерусских глаголов мыслить, думати заключена сема желательности. Данная сема содержится в аналогичных глаголах современного русского языка, которые «сохраняют, аккумулируют исторически сформировавшийся модальный потенциал» [1, с. 35].

Подтверждение модального функционирования соответствующих глаголов находим как в древнерусских памятниках, так и в современном русском языке в Корпусе национального русского языка (далее НКРЯ). Практическим языковым материалом послужили тексты древнерусских памятников разной жанровой принадлежности, тексты из НКРЯ (Основной корпус, Газетный корпус). Объем отобранного материала для

проведения исследования составляет около 1 тысячи примеров, из которых 152 примера отобраны из памятников древнерусской литературы, всего исследовано 8 лексических единиц: думати, удумати, мыслити, умыслити, думать, удумать, мыслить, умыслить.

Ср.: Преподобный Игнатий епископ **мышлише создати** церковь камену (Житие Авр. Смол.); ...царь Василий и **думаше** чрезь реку **ехати**, хотяще, яко зайца в тяняте, яти Девгения (Девг. деян.).

Ср.: Впрочем, и продолжать-то уже абсолютно нечего, словно все, что еще трепетно **мыслил сказать**, тоже вдруг переметнулось... (В. Володин. Напрасные похороны, напрасный покойник (промашка смерти) // «Волга», 2010); Вот и **удумал** он **завалить** снегом всю земелюшку – не только человеку, а и лисице не пробраться... (Е. Богданов «Вьюга») [\[23\]](#).

Исходя из положения о том, что план содержания глаголов мышления (как и глагола в целом) представляет «полиситуативный, полисобытийный, полипропозициональный комплекс, отражающий, как отмечает Н. Б. Лебедева, видение динамического фрагмента мира как смену ситуаций» [\[19, с. 22-23\]](#), становится возможным рассматривать глаголы мышления как некий «коннект» в речемыслительной деятельности человека, выполняющий коммуникативную, когнитивную и экспрессивную функции. Связано это с тем, что в их семантическом значении, по мнению А. П. Морослина, находят отражение и выражение «многообразные ракурсы и связи действий, обозначаемые глаголами» [\[22, с. 107\]](#). Лингвисты сходятся во мнении о том, что глаголы мышления, входящие в структуру семантического поля психической деятельности человека, характеризуются «предельной сложностью» [\[3, с. 5\]](#) (Васильев 1970, 1981; Морослин 2001; Глинка 2003; Гуднов 2013 и др.), особенно аффиксально усложнённые образования (в иной терминологии «асимметричные структуры» [\[9, с. 54\]](#). В системе словообразования русского языка, характеризующейся «симметрией корня и асимметрией аффиксов» [\[9, с. 54\]](#), как отмечает В. А. Карпов, преобладают асимметричные структуры [\[15, с. 205\]](#). Они позволяют максимально разнообразить и увеличивать объём информации, а также передавать тонкие оттенки значений, в том числе модальных. При этом следует учитывать, что префикс имеет «большую (чем суффикс) самостоятельность в качестве значимой части слова» [\[39, с. 99\]](#). В словотворческом арсенале носителей русского языка представлен обширный пласт дериватов от корневых основ, в том числе от основ глаголов мышления, например, *подумать, помыслить; задумать, замыслить; недодумать, недомыслить; вздумать, отдумать, удумать, умыслить* и т. д.).

Префикс, конструируя значение деривата, в том числе модальное, номинирует определённую ситуацию действия. В процессе интуитивного или осознанного словотворчества на родном языке, по мнению лингвистов, находят выражение закреплённые результаты когнитивного, ментального опыта говорящего, его языкового мышления, социально обусловленное отношение к происходящему, антропоцентричность взглядов, которая выражается, как отмечает О. Ю. Крючкова, «в нарастающей роли субъекта, наблюдающего и оценивающего мир» [\[18, с. 6\]](#). Говорящий отбирает то или иное языковое средство, в данном случае префикс, в зависимости от модально-коммуникативной задачи и перспективы высказывания, опираясь на общее для участников коммуникации языковое знание. Семантическое значение приставки, по выражению Р. М. Гайсиной, «как бы надстраивается над денотативным значением глагола, входит в его семантику на автономных началах» [\[8, с. 15\]](#). Как отмечает И. С.

Улуханов, префиксы в составе дериватов «характеризуют с разных сторон действие, названное мотивирующим глаголом» [36, с. 53], «чаще всего, по мнению Н. М. Шанского, оказываются не новообразованиями от соответствующих беспрефиксных глаголов, а существующими рядом самостоятельными (хотя и родственными) глаголами, воспроизводимыми как целостные значимые единицы» [39, с. 104], способные передавать дополнительный оттенок семантического, модального значений.

Сегодня элементы номинативно несамостоятельного морфологического уровня активно исследуются лингвистами в модальном ключе (Л. Г. Яцкевич 2006; И. Г. Кудрявцева 2008; В. В. Химик 2010; Е. И. Тимошенко 2013; Л. В. Рацибурская 2016, 2021, 2023; Е. В. Шаповаленко 2021; Ю. И. Бавула 2023 и др.). Однако малоизученным остаётся вопрос специфики модального функционирования глагольного префикса, в частности форманта у-, его модального потенциала в составе глаголов мышления как средств выражения значений ситуативной модальности, определение его роли в формировании модального значения производного.

Дериватологи достаточно полно изучили и описали функционирование префикса у- (РГ – 80; И. С. Улуханов 2017; О. И. Дмитриева 2021 и др.). Определили ряд реализуемых им значений, выявили общие семы производных с рассматриваемым формантом: *действие, названное мотивирующим глаголом, длительность, интенсивность, состояние как результат названного действия, насыщение*; описали случаи, связанные с отсутствием «жестких границ между словообразовательными, грамматическими и лексическими группировками в языковой системе и градуальным характером критериев системности», зафиксировали «неявный характер деривационной семантики глаголов с префиксом у-», а также отсутствие «типового характера оценочной пропозиции в полиситуативной семантической структуре производных данного словообразовательного типа» (далее СТ), выявили «выраженную негативную экспрессивность» производных с приставкой у-, «тенденцию к «негативизации» данной словообразовательной модели, используемой как средство интерпретации явлений окружающей действительности» [17, с. 182], определили сферу их функционирования. Были установлены морфематические (словообразовательные или формообразующие) связи префикса у-, определены семь лексико-семантических классов, в состав которых входят мотивирующие глаголы исследуемого в статье СТ, к которым относятся глаголы перемещения объекта (катить), глаголы приготовления пищи (варить), глаголы физического воздействия на объект (топтать), глаголы речевого воздействия (говорить), глаголы физиологического воздействия (пичкать), глаголы движения (ездить), глаголы активного воздействия на объект с нанесением ему вреда (мучить) [17, с. 184]. Отсутствие глаголов класса мышления в составе мотивирующих глаголов СТ с префиксом у- указывает на целесообразность изучения данного форманта в части его «сцепления» с последними, а также в плане реализуемых им модальных, модально-оценочных значений.

Первый научный труд, посвящённый в том числе рассматриваемому в статье вопросу, принадлежит С. С. Ваулиной. Исследуя эволюцию средств категории модальности, ученый обратил внимание на то, что «древнерусский глагол мыслити и его дериваты в сочетании с субъектным инфинитивом реализовывают значение желательности, однако, преимущественно связанное с «недобрыми» замыслами субъекта, входящими в противоречие с законами принятой морали» [5, с. 77]. Ср.: и на вся дъни слышахъ яко царь **мыслить оубити** мя (Син. пат.); Довъмонтъ же **мысляшетъ** бо, акы како **убити** Миндовга (Гал.-Вол. лет.). Аналогичное модальное функционирование глагола мыслити и его дериватов активизируется в языке старорусской письменности: и не всъхотѣ на них

посылать, бояся, понеже бо вси люди негодоваху о княженъи его, но и на самово **мысляху (пойти/убрать)** (Пов. об ослепл. Вас. II). Реализация негативного значения желательности, отмечает С. С. Ваулина, «особенно последовательно, прослеживается на примере деривата *умыслити*» [5, с. 126]. Ср.: хотяще великого князя на своем осподарьстви видѣти и **умыслиша** ему **дати** язву смертную, яко да убийють = хотят дать язву смертную (Пов. о Темир Аксаке); И аще который брат **умышляше и ти** из монастыря, он.... обличаше его мысль и утѣшаше брата = хотел сбежать из монастыря (Киев.-Печ. пат.).

Тожественное функционирование синонимичных глаголов мышления (и их дериватов с префиксом у-) прослеживается в современном русском языке. Подтверждение тому находим в НКРЯ: Ср.: ...леса просто так не стоят, ...иногда самопроизвольно вырубаясь, в пылу странных причин сгорая, – они наверняка **мыслят** тебя **посадить** или **заказать**, чтобы освободить себе место добычи под солнцем и самим под шумок стать заказниками (В. Володин. Повесть временных лет // «Волга», 2011); Я знаю людей, которые только и **думают**, как бы яблочка **куснуть**, а я к ним спокоен (Ю. Коваль. Сиротская зима) [23].

В современном русском языке глагол думать и его дериваты с префиксом у-, реализующие модальное значение желательности, в ряде случаев желательности как условия возможности, являются более частотными по сравнению с синонимичным глаголом мыслить (умыслить). По данным словарей глаголы мыслить – умыслить являются устаревшими и малоупотребительными [31, 32]. Однако низкочастотное употребление глагола мыслить «в значительной степени «компенсируется» активным функционированием соответствующего отглагольного существительного *умысел*» [1, с. 39], страдального причастия *умышленный*, в значении прилагательного *умышленный*, которые широко используются преимущественно в юридической сфере, а также в сфере публицистики. При этом существительное *умысел*, имеет словарное значение «заранее обдуманное тайное намерение (преимущественно предосудительное)» [31, с. 496], «злое умышление», т. е. действие по глаголу умыслить, одно из частных значений которого – «что, на кого, посягать, замышлять, задумать вредъ, зло, крамолу» [11, с. 454-455]. Ср.: Мы предложили, на мой взгляд, эффективные меры, способствующие сокращению потребления контрафактного алкоголя, изготовленного с нарушением технологии, а иногда по злему **умыслу**, которые станут существенным препятствием для проникновения суррогата на прилавки (Борьба с табачным контрафактом может стать выгодной для регионов // Парламентская газета, 2021.01.06); За **умышленное** непредставление или искажение сведений заплатить придётся по 100 тысяч рублей за каждый факт (Банки будут штрафовать за сокрытие сведений о клиентах-нерезидентах // Парламентская газета, 2021.11.19) [23].

Дериваты глаголов мышления с формантом у- реализовывают, как было отмечено выше, модальное значение желательности, преимущественно связанное с негативным значением. Такое положение дел, по мнению С. С. Ваулиной, «связано со значением префикса у-» [5, с. 126]. Подтверждение тому находим в Толковом словаре словообразовательных единиц русского языка Т. Ф. Ефремовой, РГ-80, в которых указано одно из частных значений приставки у- – «доведение до нежелательного состояния с помощью действия, названного мотивирующим словом (уездить, укачать, умучить и т. п.)» [14, 25]. Отрицательное функционирование рассматриваемого форманта объясняется в том числе его этимологией. В Историко-этимологическом словаре современного русского языка П. Я. Черных зафиксирован ряд значений приставки у-: «в

прошлом начальное у – это приставка, усиливающая отрицательное значение слова и ограничивавшая или ослаблявшая значение слова, когда оно не являлось отрицательным», а также одно из частных её значений – «в сторону, прочь, вон (уйти)», отмечены случаи с начальным у- «в таких (единичных) словах как *утлый* и некоторых других» [38, с. 279]. В этимологическом словаре М. Фасмера зафиксирована глагольная приставка у- (убирать, убывать, убежать), отмечено её родственное отношение с лтш. *aumanis* «не в своём уме» [37]. Косвенным подтверждением того, что формант у- «надстраивает» негативное значение на основу мотивирующего глагола может быть словарное объяснение значения у через междометие *увы*: *увы* – «восклицание, выражающее горе» [33], только русск.-цслав. *оу*, ст.-слав. *оу*, болг. *у* – «восклицание удивления и ужаса», а также через значение уже, уж, народн. *ужо* – «...в качестве угрозы» [37]. Ранний случай реализации понятия «плохой» посредством префикса описан в монографии Л. П. Дроновой «Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект». Речь идёт о санскритском префиксе *ku-* (созвучном с русскому *у*): *ku-karman* «дурное деяние», *ku-saga* «порочный, безнравственный» и т. п. Как отмечает Л. П. Дронова, данный префикс «в ряду аналогичных образований в индоарийских и славянских языках (в виде *ка-, *ко- *ки-, *са-, *се-) рассматривается в качестве препозитивного компонента сложных слов, которые представляют собой эмоционально окрашенные имена, реже – глаголы, иногда с пейоративным значением либо включающие в круг своих значений элемент удивления, иносказания, табуированности [12, с. 25-26].

Данные различных словарей убеждают в том, что рассматриваемый в статье префикс у- в составе производных глаголов мышления (удумать, умыслить) не только реализовывает, но и усиливает преимущественно отрицательное (негативное) значение на автономных началах, т. е. как самостоятельная значимая единица. Результаты настоящего исследования подтверждают данный факт, дополняя его тем, что словообразовательный формант у- содержит в своём значении оценочный компонент (в зависимости от контекста положительный или отрицательный). Подтверждение тому находим в Словаре русского языка XI – XVII вв., в котором зафиксировано, что префикс у- употребляется в том числе «для выражения нравственного участия или оценки: у (кого-л.): Какъ уйдешь у нихъ, аще не Господь поможет! Ав. Ж., 147 (~ 1672 г.)» [30, с. 303-307].

Выражение нравственного участия подразумевает содержание оценочной семы в значении слова, в данном случае пейоративной семы «совершить что-либо дурное, преступное, предосудительное (во вред кому-то)» [2, с. 390], которая является «рефлектором национального представления об аморальном и асоциальном поведении членов социума» [20, с. 11]. Проиллюстрируем примерами из НКРЯ. Ср.: Но хватило же у него духу капитану перечить, а сейчас такое **умыслил** (сделать = послушаться), душа переворачивается – приказ не выполнить! Да кого? Самого командира части (В. Кондратьев. Сашка (1979); Хозяин, псих, запер в машине пса, у него денег на сигнализацию нет, вот и **удумал**, гад, животное в автосторожа **превратить** (Дочь поселила мать с собакой в ржавых Жигулях и уехала на заработки из Твери в Москву // Комсомольская правда, 14.11.2012) [23].

В значении глаголов мышления удумать, умыслить становится совершенно очевидной неразрывная связь оценочного и модального компонентов, т. е. «двойственная природа» дериватов составе высказывания, а именно «утверждение о чём-то и одновременно оценка» [16, с. 91].

Основой модального функционирования отглагольного префикса у- является одно из его лексических значений (как отражение языкового знания (интуиции) носителя языка) – «доведение до нежелательного состояния (до *крайней усталости, бессилия, истощенности*) с помощью действия, названного мотивирующим словом» [14, 21, 25]. В вышеприведённой дефиниции приставки у- выражены семы желательности и возможности, связанные с недобрыми намерениями. Ср.: жених впервые видит невесту в день свадьбы, когда от стола ведут «к жене в постель, где видит ее при свече близко. А с ней век жить!». «Если жизнь не сложится, – объяснял Котошихин, – **умыслит** над нею **учинить** такое, чтобы ушла в монастырь, бьет и мучит всячески...» (А. Савинов. «Свидания в огороде и законы Петра I» // «Знание – сила», 2012); Сообразив, что пока болела и лежала в кровати, дочь и сын распорядились позаботиться о похоронах. Ухватившись за края гроба, она поволокла его к выходу, приговаривая: «Надо ж, чего **удумали** – заживо **зарыть** в могиле...» (С. Романов. Парламент (2000) [23]).

Следует отметить ряд значений префикса у-, в которых семы желательности и возможности выражены имплицитно: «удалить, удалиться или заставить удалиться откуда-л. с помощью действия, названного мотивирующим словом, отстранение»; «полностью покрыть или покрыться чем-л. с помощью действия, названного мотивирующим словом»; «уменьшить или уменьшиться в размере, в объеме с помощью действия, названного мотивирующим словом»; «исчерпывающей полноты действие», «доведение действия, названного мотивирующим инфинитивом, до нормы – в словообразовании – и до результативного завершения – в формообразовании»; «уместить что-л. в каком-л. пространстве, в каких-либо пределах, объеме»; «удержаться в том состоянии, которое названо мотивирующим словом или совершение действия вопреки чему-л., несмотря на трудности, препятствия и т. п.» [11, 14, 21, 25, 31]; «приобретение нового качества или усиление качества в результате действия» [31]; «уничтожить, израсходовать что-н. с помощью действия, названного мотивирующим глаголом» [25, с. 371]; «сохранить то состояние, которое названо мотивирующим глаголом, привыкнуть», «сохранить тот признак, который назван мотивирующим глаголом» [21, с. 235].

В результате исследования был выявлен модальный потенциал глаголов мышления думать, мыслить с префиксом у-, реализующих в сочетании с зависимым инфинитивом значения ситуативной модальности – значения желательности, возможности, связанные преимущественно с замыслами и намерениями, вступающими в противоречие с моральными, этическими, социальными нормами. Специфика такого модального функционирования глаголов умыслить, удумать объясняется их синтаксическим положением в строе предложения, лексическим значением префикса у- «доведение до нежелательного состояния с помощью действия, названного мотивирующим словом» [14, 25], наличием пейоративной семы «совершить что-либо дурное, преступное, предосудительное (во вред кому-то)» [2, с. 390], указывающей на «выражение нравственного участия или оценки» [30, с. 303-307]. Данное положение находит поддержку в этимологии древнерусских глаголов мыслить, думати, а также в историко-этимологическом происхождении приставки у-, в которых эксплицитно и имплицитно выражена сема желательности, как составляющая возможности, а также сема пейоративности.

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что префикс у-, традиционно рассматриваемый как элемент номинативно несамостоятельного уровня, способен

выполнять модальную функцию не менее значимую, чем корневая морфема, а также «надстраивать» и усиливать преимущественно отрицательную семантику глаголов мышления думать, мыслить на автономных началах.

В ходе исследования было установлено, что глагол думать и его префиксальный дериват удумать являются наиболее частотными модальными модификаторами, реализующими инвариантное значение желательности, а также значение возможности, преимущественно связанные с интенциями субъекта, противоречащими морально-этическим нормам общества, принимающими, как отмечает С. В. Лескина, статус закона [20, с. 11]. Были установлены следующие сферы функционирования деривата удумать: художественная, публицистическая, преимущественно разговорная речь и просторечие.

Также зафиксированы единичные случаи функционирования устаревшего глагола мыслить и его префиксального деривата умыслить в аналогичной модальной функции, которые «лишь изредка употребляются в литературной речи» [31, 32]. Низкая частотность глаголов, практически вышедших из употребления, восполняется весьма активным использованием отглагольного существительного умысел, страдательного причастия умысленный и т. д. в сфере юриспруденции, а также в разговорной речи.

Автор статьи приходит к выводу о том, что носители языка легко дифференцируют значения префикса у- в составе мотивирующего глагола мышления структурно и семантически, используя его преимущественно в разговорной (просторечной), юридической, публицистической сферах. «Яркое значение приставки, по мнению Ю. А. Сухоруковой, коррелирует с определенной тематической и функциональной направленностью текста», т. е. является «ответственной» за выбор речевой сферы» [34, с. 38].

Важно обратить внимание на то, что в Словаре русских народных говоров зафиксированы значения глаголов мышления с префиксом у- (удумать – удумывать, умыслить – умыслять), а также родственных производных, не содержащие сему «совершить что-либо дурное, преступное, предосудительное (во вред кому-то)». Напротив, их семантика отличается наличием мелиоративного компонента. Например, слово умысел имеет значения «ум, здравый смысл», «Божий промысел»; умысль – «замысел, умысел»; умысленный – «хорошо сделанный, удобный»; умыслить – умыслять – «1. Придумывать, замыслить что-либо. 2. Догадаться о чём-либо, понять что-либо. 3. Вспомнить что-либо. 4. Решить сделать что-либо» [29, с. 209]; удумать – удумывать – «1. Принять решение. 2. Догадаться о чем-либо. 3. Вспомнить что-либо. 4. С инф. решиться делать что-либо. 5. С инф. начать делать что-либо» [28, с. 316]. Однако отрицательная сема присутствует в значениях глагола мыслить – «1. Вести неуместные рассуждения, умничать. 2. Ухитряться, умудряться» [27, с. 62]. Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что действие, называемое дериватами рассматриваемого типа, может быть осмыслено как отрицательное, положительное, нейтральное, а также согласиться с мнением современных дериватологов о том, что «характер оценки состояния, выражаемой дериватами этого СТ, не задан деривационной системой, он всякий раз проясняется в дискурсе» [17, с. 182].

Библиография

1. Бавула, Ю. И. Реализация модального потенциала древнерусских глаголов мышления в современном русском языке / Ю. И. Бавула, С.С. Ваулина // Экология языка и речи: Материалы X Международной научной конференции, Тамбов, 08–09 декабря 2022 года /

- Науч. редактор А. Л. Шарандин, отв. за выпуск Т. А. Дьякова. – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2023. – С. 35-39.
2. Васильев, Л. М. Семантические классы русского глагола: Глаголы чувства, мысли, речи и поведения: дис. ... д-ра филол. / Л. М. Васильев. – Уфа, 1970. – 661 с.
 3. Васильев, Л. М. Семантика русского глагола / Л. М. Васильев. – Москва: Наука, 1981. – 184 с.
 4. Васильев, Л. М. Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики: сб. избр. ст. / Л. М. Васильев. – Уфа: РИО БашГУ, 2006, с. 387. – 574 с.
 5. Ваулина, С. С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI–XVII вв.): монография / С. С. Ваулина. – Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1988. – 143 с.
 6. Ваулина, С. С. Коммуникативный потенциал модальности в диахронии и синхронии русского языка / С. С. Ваулина. – Изд-во БФУ им. И. Канта, 2018. – 206 с.
 7. Ваулина, С. С. Модальность. Коммуникация. Текст: сб. науч. тр. / под ред. проф. С. С. Ваулиной. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2021. – 329 с.
 8. Гайсина, Р. М. К семантической типологии глаголов русского языка / Р. М. Гайсина // Семантические классы русских глаголов. – Межвузовский сборник научных трудов. Свердловск, 1982. С. 15-21.
 9. Глинка, Е. В. Система глаголов восприятия, мышления и говорения (на материале исторических словарей русского языка): дис. ... канд. филол. наук. / Е. В. Глинка. – Брянск, 2003. – 264 с.
 10. Гуднов, Р. Н. Синонимические ряды глаголов интеллектуальной деятельности в современном русском языке (функционально-семантический аспект): дис. ... канд. филол. наук / Р. Н. Гуднов. – Санкт-Петербург, 2013. – 162 с.
 11. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В. И. Даль. – Москва, 1955.
 12. Дронова, Л. П. Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект / Л. П. Дронова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – 256 с.
 13. Егорова, О. М. Модальные глаголы немецкого языка как грамматические прецедентные единицы: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. М. Егорова. – Нижний Новгород, 2017. – 21 с.
 14. Ефремова, Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка / Т. Ф. Ефремова. – 2-е изд., испр. – Москва: АСТ : Астрель, 2005. – 640 с.
 15. Карпов, В. А. Язык как система / В. А. Карпов. – Минск: Вышэйшая школа, 1992. – 302 с.
 16. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский. – Москва: УРСС, 2005. – 120 с.
 17. Косова, В. А. Префиксальное воплощение русской глагольной семантики: потенциал словообразовательной категории «каузация состояния» / Динамические аспекты русского словообразования / В. А. Косова, О. Ю. Крючкова, Л. В. Балашова, О. И. Дмитриева [и др.]; под ред. О. И. Дмитриевой, О. Ю. Крючковой. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 2021. С. 170-202.
 18. Крючкова, О. Ю. Динамические тенденции в области русской словообразовательной деривации и методические принципы изучения правил словопроизводства / Динамические аспекты русского словообразования / О. Ю. Крючкова Л. В. Балашова, О. И. Дмитриева [и др.]; под ред. О. И. Дмитриевой, О. Ю. Крючковой. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 2021. С. 6-31.
 19. Лебедева, Н. Б. Полиситуативный анализ глагольной лексики / Н. Б. Лебедева. – Москва: ЛИБРОКОМ, 2010, 192 с.

20. Лескина, С. В. Категория пейоративности в русском и английском языках в аспекте лингвокультурологического сопоставления (на материале фразеологических единиц): автореф. докт. фил. н. / С. В. Лескина. – Челябинск: 2010, 44 с.
21. Лопатин, В. В. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка / В. В. Лопатин, И. С. Улуханов – Москва: Издательский центр «Азбуковник», 2016. – 812 с.
22. Морослин, П. В. Семантическая структура глаголов мышления и их функция в тексте (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук / П. В. Морослин. – Москва: 2001, 209 с.
23. Национальный корпус русского языка. 2003–2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 01.02.2024).
24. Преображенский, А. Этимологический словарь русского языка в 2 т. / А. Преображенский. – Москва: 1910–1914, 1246 с.
25. Русская грамматика. В 2 т. Москва: Наука, 1980. Т. 1.
26. Сатина, Т. В. Модальность как универсальная категория семантики / Т. В. Сатина // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2023. № 1. С. 46-51.
27. Словарь русских народных говоров. Вып. 19. Мутаситься – Накучить. Ленинград: Наука, 1983, 360 с.
28. Словарь русских народных говоров. Вып. 46. Тычак – Ужоля. Санкт-Петербург: Наука, 2013, 350 с.
29. Словарь русских народных говоров. Вып. 47. Ужом – Урос. Санкт-Петербург: Наука, 2014, 354 с.
30. Словарь русского языка XI–XVII вв. Москва: Наука. Вып. 1 – 12. 1975–1987.
31. Словарь русского языка в 4 т. / Под. ред. А. П. Евгеньевой. Москва: Русский язык, 1981–1984.
32. Словарь синонимов русского языка в 2-х т. – Под. ред. А. П. Евгеньевой. Москва: Астрель. АСТ. Транзиткнига. 2003, 680 с.
33. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным источникам. [Электронный ресурс] / И. И. Срезневский. – Режим доступа: <https://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=sreznevskij> (Дата обращения: 01.02.2024 г.)
34. Сухорукова, Ю. А. Функциональные особенности глаголов и глагольных префиксов в русском языке: корпусное исследование (на материале глаголов с префиксом пред-) / Ю. А. Сухорукова // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2021. № 4 (216). С. 37-47.
35. Тимошенко, Е. И. О функции приставки в словах с модальной семантикой (на материале русского языка) / Е. И. Тимошенко // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. № 1. 2013 <https://core.ac.uk/download/pdf/75998805.pdf>
36. Улуханов, И. С. Глагольное словообразование современного русского языка. Т. 2: Глаголы, мотивированные глаголами / И. С. Улуханов. – Москва: Издательский центр «Азбуковник», 2017, 516 с.
37. Фасмер, М. Р. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / М. Р. Фасмер. – Москва: Прогресс, 1986–1987.
38. Черных, А. Я. Историко-этимологический словарь. В 2 т. / А.Я. Черных. – Москва: Русский язык, 1999.
39. Шанский, Н. М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии / Н. М. Шанский. – Москва: 1959, 245 с.
40. Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н. М. Шанского: В 2 т. Москва: 1963–1982.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Модальная специфика глаголов мышления думать, мыслить с префиксом у-», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автор к вопросам теоретической грамматики и лексикологии русского языка.

Объектом исследования явились глаголы поля мышления думать, мыслить и их дериваты с префиксом у-. Предметом исследования, определяющим новизну работы, является модальная специфика глаголов мышления с формантом у-.

В ходе исследования было установлено, что глагол думать и его префиксальный дериват удумать являются наиболее частотными модальными модификаторами, реализующими инвариантное значение желательности, а также значение возможности, преимущественно связанные с интенциями субъекта, противоречащими морально-этическим нормам общества. Были установлены следующие сферы функционирования деривата удумать: художественная, публицистическая, преимущественно разговорная речь и просторечие.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной тематики.

Автор иллюстрирует классификацию языковыми примерами на древнерусском и современном русском языках.

Таким образом, практическим языковым материалом послужили тексты древнерусских памятников разной жанровой принадлежности, а также Корпусе национального русского языка. К сожалению, автор не приводит подробной информации об объеме языкового материала, отобранного для проведения исследования.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Методами исследования послужили контент и компонентный анализ, методы семантического анализа, этимологический анализ, сравнительно-сопоставительный анализ, контекстуальный анализ. Структурно отметим, что данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, упоминание основных исследователей данной тематики, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

Библиография статьи насчитывает 20 источников, среди которых представлены труды исключительно отечественных исследователей. Считаю, что обращение к работам зарубежных лингвистов, несомненно, обогатило бы сей труд.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. В тексте встречаются ряд технических опечаток, к примеру, «Автор статьи приходит к выводу у том,..» и др.

Кроме того, отметим, что в примерах упоминается физическое лицо – иноагент, без указания ссылки на данный факт.

Однако данные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы.

Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования связана с тем, что его

результаты могут быть использованы в курсе истории языка, теоретической грамматике, а также в дальнейших исследованиях в данной области.

Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Модальная специфика глаголов мышления думать, мыслить с префиксом у-» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Феномен языковой модальности находится в центре междисциплинарной научной мысли. Ученые полно установили план её содержания и выражения, причем в разрезе динамических колебаний. Ряд исследователей, как отмечает автор рецензируемой статьи, полновесен и объемён: В. В. Виноградов, Ш. Балли, Г. А. Золотова, А. В. Бондарко, С. С. Ваулина, Г. П. Немец, Л. П. Дронова, И. Р. Гальперин, Г. Я. Солганик, Т. В. Романова, З. Я. Тураева, М. В. Ляпон, Б. В. Хрычиков, О. Н. Соловьёва, И. Ю. Кукса, Н. Brinkmann, J. Buscha, G. Diewald, J. Erben, T. Fritz, M. Hanowell, G. Helbig, M. Krifka, G. Ohlschlager, F. Palmer, K. Sommerfeldt и др. Стоит согласиться, признать как данность, что «универсальная категория модальности «как одна из ключевых семантических (понятийных) категорий, обеспечивающих живую связь высказывания с внеязыковой действительностью и устанавливающих его коммуникативный потенциал», осмысливается современными лингвистами как «уникальная ментальная», «глобальная научная», «познавательная» категория, рассматриваемая в контексте «неразрывной связи языка и мышления» как «особой ступени в процессе отражения сознанием объективной действительности». Следовательно, данный труд имеет нужный вектор научного поиска, тема актуальна, интересна, подход исследования конструктивен. В начале труда обозначено, что «объектом изучения стали глаголы поля мышления думать, мыслить и их дериваты с префиксом у-. Предметом исследования, определяющим новизну работы, является модальная специфика глаголов мышления с формантом у-». Считаю, что работа имеет как теоретическую, так и практическую значимость; она информативна, целостна, оригинальна. Суждения по ходу научной наррации точны: например, «первые научные исследования, направленные на изучение глаголов мышления, их префиксальных дериватов в терминах модальности принадлежат С. С. Ваулиной (Ваулина 1988, 2008), а также С. В. Черновой (1996, 2008), Л. М. Васильеву (2006), частично Л. П. Дроновой (Дронова 2006), А. П. Морослину (Морослин 2001), Ю. И. Бавуле (Бавула 2022, 2023) и др. В результате анализа эволюции средств выражения категории модальности XI – XVII вв.». Формат работы выдержан в рамках требований издания, должный ряд ссылок наличен. Считаю, что работа не нуждается в серьезной правке и коррективе. Ссылки на авторитетные имена даны с уважением, но в режиме конструктивного диалога, что вполне верно: например, «точке зрения учёного не противоречит теория Л. М. Васильева, согласно которой глаголы мышления (оценочные, побудительные, интенциональные) «могут быть квалифицированы как модальные». Интересно отметить, что истоком модального функционирования рассматриваемых в статье глаголов является история их происхождения. По данным этимологических словарей глагол мыслить «образован от прасл. *myslъ, восходящего к и.-е. корню *men-, родственного литовскому maudziu, «тосковать, страстно желать». Иллюстративный фон достаточен: «Ср.: Преподобный Игнатий епископ мышлише создати церковь камену (Житие Авр. Смол.); ...царь Василий и думаше чрезь реку ехати, хотяще, яко зайца в тянате, яти

Девгения (Девг. деян.). Ср.: Впрочем, и продолжать-то уже абсолютно нечего, словно все, что еще трепетно мыслил сказать, тоже вдруг переметнулось... (В. Володин. Напрасные похороны, напрасный покойник (промашка смерти) // «Волга», 2010); Вот и удумал он завалить снегом всю земелюшку – не только человеку, а и лисице не пробраться... (Е. Богданов «Вьюга»)). Проблема, которая рассматривается в качестве основной, разобрана в правильном методологическом ключе; фактические данные введены точно. Автор отмечает, что «в современном русском языке глагол думать и его дериваты с префиксом у-, реализующие модальное значение желательности, в ряде случаев желательности как условия возможности, являются более частотными по сравнению с синонимичным глаголом мыслить (умыслить). По данным словарей глаголы мыслить – умыслить являются устаревшими и малоупотребительными. Однако низкочастотное употребление глагола мыслить «в значительной степени «компенсируется» активным функционированием соответствующего отглагольного существительного умысел», страдального причастия умысленный, в значении прилагательного умысленный, которые широко используются...» и т.д. Стиль сочинения соотносится с собственно научным типом; терминологический уровень универсален. Анализ вопроса сделан на высоком филологическом уровне: «основой модального функционирования отглагольного префикса у- является одно из его лексических значений (как отражение языкового знания (интуиции) носителя языка) – «доведение до нежелательного состояния (до крайней усталости, бессилия, истощенности) с помощью действия, названного мотивирующим словом». В вышеприведённой дефиниции приставки у- выражены семы желательности и возможности, связанные с недобрыми намерениями. Ср.: жених впервые видит невесту в день свадьбы, когда от стола ведут «к жене в постель, где видит ее при свече близко. А с ней век жить!». Считаю, что тема раскрыта, цель исследования достигнута; материал можно продуктивно использовать в вузовском образовании при освоении дисциплин лингвистического порядка. Автор в финале делает вывод, что «префикс у-, традиционно рассматриваемый как элемент номинативно несамостоятельного уровня, способен выполнять модальную функцию не менее значимую, чем корневая морфема, а также «надстраивать» и усиливать преимущественно отрицательную семантику глаголов мышления думать, мыслить на автономных началах», «глагол думать и его префиксальный дериват удумать являются наиболее частотными модальными модификаторами, реализующими инвариантное значение желательности, а также значение возможности, преимущественно связанные с интенциями субъекта, противоречащими морально-этическим нормам общества, принимающими, как отмечает С. В. Лескина, статус закона. Были установлены следующие сферы функционирования деривата удумать: художественная, публицистическая, преимущественно разговорная речь и просторечие», «носители языка легко дифференцируют значения префикса у- в составе мотивирующего глагола мышления структурно и семантически, используя его преимущественно в разговорной (просторечной), юридической, публицистической сферах». Работа имеет законченный вид, список источников объемён. Рекомендую статью «Модальная специфика глаголов мышления думать, мыслить с префиксом у-» к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования».